

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАПРЯЖЕННОСТИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

Psychological Aspects of Tension and Conflict Resolution

УДК 159.964.3 © А. В. Воронцов, А. М. Прилуцкий, А. М. Богачев, 2019

DOI: 10. 24411/1999-6241-2019-12002

13.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии; 19.00.13 Психология развития, акмеология

Трагедия в Керчи: опыт социально-психологического анализа предпосылок

Воронцов Алексей Васильевич¹,

доктор философских наук, профессор, декан факультета истории и социальных наук. E-mail: vorontsov@herzen.spb.ru

Прилуцкий Александр Михайлович¹,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории религии и теологии факультета истории и социальных наук.
E-mail: alpril@mail.ru

Богачев Алексей Михайлович¹,

заведующий лабораторией религиоведческих исследований факультета истории и социальных наук.
E-mail: amb1976@mail.ru

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, 191186, Россия

Аннотация

Введение. Представлена попытка мультидисциплинарного понимания деструктивных тенденций в современной подростково-молодежной среде России в контексте трагедий в Керчи и Архангельске. Происходящие динамические изменения в подростково-молодежной части социума, имеющие социальное содержание и семиотическое выражение, рассматриваются как сигналы, идущие из коллективного бессознательного социума к общественному сознанию.

Материалы и методы. Документы из открытых источников (в том числе сети Интернет) обрабатывались посредством методов анализа и синтеза информации, дедукции и индукции, исследования отдельных случаев, интерпретации и герменевтики.

Результаты и обсуждение. Деструктивные тенденции проявляются в таких формах, как суициды (Россия занимает первое место в Европе по подростковым самоубийствам), деструктивное и аутодеструктивное поведение, вовлечение в деструктивные общности типа «групп смерти», имеющие квазирелигиозное содержание, и т. д. Деструктивные тенденции в области подростковой (молодежной) субкультуры следует рассматривать как послание (месседж) из коллективного бессознательного российского (русского по культуре) общества к коллективному «я-сознанию» российского (русского по культуре) общества и обществу в целом. Проясняются глубинные причины и сущность болезненного «месседжа», отправляемого коллективному сознанию российского общества из подростковой (молодежной) среды, определяются пути оптимизации государственной молодежной и образовательной политики в контексте государственной безопасности РФ и оптимальных путей работы с подростками и молодежью.

Выводы. Необходима точечная работа психологов, религиоведов с правоохранительными органами для выявления лиц со склонностью к деструктивным действиям и вовлечению в новые радикальные (квази) религиозные структуры. Трагедия в Керчи — одно из проявлений крайне значимого сигнала, который поступает в сознание российского общества из его подросткового сегмента.

Ключевые слова: подростково-молодежная субкультура; мировоззрение; инициация; деструкция; ценности; национальная безопасность России; идентичность.

Для цитирования: Воронцов А. В., Прилуцкий А. М., Богачев А. М. Трагедия в Керчи: опыт социально-психологического анализа предпосылок // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 2(77). С. 138–144. DOI: 10. 24411/1999-6241-2019-12002

Основные положения:

1. Актуальность изложенного материала обусловлена необходимостью анализа тенденций и событий в подростково-молодежной среде как «послания» («месседж») из коллективного бессознательного российского социума его коллективному сознанию.

2. Данный анализ основывается на обобщениях в области понимания специфики подросткового возраста как периода «первичной индивидуации».

3. Осмысление глубинных детерминант деструктивных действий подростков и представителей молодежи поможет специалистам в области психологии и педагогики повысить эффективность профилактической и коррекционной работы, а органам государственной власти — адекватность своих тактических действий и стратегической линии в области молодежной и образовательной политики, включая сферу совершенствования деятельности соответствующих служб практической психологии.

Введение. Трагические события, происшедшие 17 октября 2018 г. в Керчи (а также 21 октября в Архангельске), требуют научного осмысления с мультидисциплинарных позиций, включая анализ социальных, психологических, культурологических и, возможно, религиозных аспектов трагедии.

В связи с этим данное исследование осуществлено в рамках комплексного научного подхода, согласно которому динамические изменения в подростково-молодежной части социума, имеющие социальное содержание и семиотическое выражение, рассматриваются как сигналы, идущие из коллективного бессознательного социума к общественному сознанию, причем сигналы, частично цензурируемые и искажаемые взрослым обществом.

Теоретические предпосылки. В настоящее время в России фиксируется большое количество проявлений деструктивного, отклоняющегося поведения в среде подростков и молодежи. Подобные тенденции выражаются в увеличении количества суицидов, деструктивном и аутодеструктивном поведении, вовлечении в контркультурные сообщества типа «групп смерти», радикальные политические группы, субкультуры и контркультурные общества криминального типа, имеющие квазирелигиозное содержание, и т. д.

Эти тенденции захватывают не только собственно субкультуры, но и основную массу подростков и молодежи, подверженную влиянию разрушительных ценностных установок и поведения (типа «АУЕ», культ потребления, игры «усыпление» и т. д.), что дает основание для неблагоприятного прогноза социального и социально-психологического развития российского общества в случае сохранения «инерционного сценария».

Отклоняющееся поведение подростков и молодежи может заключаться в нападениях на сверстников, вхождении в различные деструктивные группы (например, «групп самоубийц», «гётов», «эмо», «childfree» и т. д.), отказе от активной созидательной деятельности и отвержении традиционных духовных и социальных ценностей, хронической усталости и психоастении, перемежающихся с проявлениями злокачественной агрессии и самоубийствами. По данным ВОЗ, не меньше 20% подростков страдают от депрессивных состояний и расстройств¹, синдром хронической усталости представляет собой их прямое следствие. При всей значимости проблемы в настоящий момент отсутствуют ее полноценные исследования.

По словам Г. Онищенко, главного санитарного врача РФ, в 2013 г. Россия занимала первое место в Европе по количеству самоубийств среди детей и подростков

и шестое место в мире по числу суицидов среди всех возрастов. В 2009 г. в России зафиксировано 260 подростковых суицидов, а уже в 2010 г. — в 1,2 раза больше, что в три раза превышает мировой показатель².

Ситуация продолжает усугубляться. По данным МВД России, в стране по-прежнему растет число подростковых и молодежных суицидов: если в 2015 г. оно составляло 685 случаев, то в 2016 г. — 720³.

Говоря о самоубийствах и суицидальном поведении подростков, следует понимать эти феномены как проявление общей установки на разрушение, которое может быть направлено как на самого себя, так и на внешний объект. «Самоубийство можно квалифицировать как специфический вид смерти, подразумевающий три неотъемлемых элемента: элемент умирания, элемент убийства и элемент жертвы убийства» [1, с. 46].

Сами по себе суициды, суицидальное и направленное вонне поведение — это «верхушка айсберга», подводная часть которого представляет собой массовые деструктивные социальные явления. Растет число подростков и молодежи, вовлеченных в деструктивные субкультуры.

Так, по данным СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ»⁴, с 2015 г. по 2016 г. в Санкт-Петербурге увеличилось количество депрессивных подростковых субкультур: узнаваемость «гётов» в молодежной среде выросла с 31,7 до 32,4%, а «эмо» — с 20,4 до 23,8%, несмотря на то что эти субкультуры «размываются» в общем слабо дифференцированном поле подростково-молодежной среды.

На наш взгляд, вышеуказанные факторы ведут к нарушению здоровых мировоззренческих установок не только «маргинальных личностей», но и большинства подростков и молодых людей (как это происходит, в частности, в регионах с массовым распространением принципов «АУЕ»), а также оказывают влияние на общество в целом и формируют квазирелигиозную среду⁵. Отмечающаяся в последнее время радикализация молодежной религиозности (более активная вовлеченность молодежи в экстремистские религиозные и квазирелигиозные сообщества неоязыческого типа, фундаменталистские сектантские группы, рост агрессии по отношению к семиотическим маркерам традиционных религий и т. д.) свидетельствует о наличии кризиса религиозной идентичности.

Материалы и методы. Использовались документы из открытых источников (в том числе сети Интернет), которые обрабатывались посредством методов анализа и синтеза информации, дедукции и индукции, исследования отдельных случаев, интерпретации и герменевтики.

¹ Подростковая депрессия (что необходимо знать о расстройстве врачу общей практики). 25 октября // Сайт Министерства здравоохранения Кировской области. URL: <http://www.medkirov.ru/site/LSP1C51EF> (дата обращения: 21.12.2018).

² Краснопольская И. Линия смерти // Рос. газета. Столичный выпуск. 2013. 15 марта.

³ Петров И. МВД: Около процента детских суицидов совершаются по вине «групп смерти» // Рос. газета. 2017. 30 марта.

⁴ Рекомендации по снижению рекрутирования молодежи в неформальные молодежные объединения деструктивной, в том числе экстремистской, направленности // Сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <http://gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2016/11/23/2016%D1%81%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA3110.pdf> (дата обращения: 21.12.2018).

⁵ В связи с различными толкованиями термина «квазирелигиозность» установим, что в контексте настоящей статьи под данным феноменом понимается мировоззрение, характеризующееся а) отождествлением с той или иной нетрадиционной (новой) организацией, претендующей на религиозность; б) ценностями, в конечном счете (или прямо) противоречащими традиционным созидательным ценностям; в) противопоставлением себя целостному социуму.

Результаты и обсуждение. Для того чтобы правильно интерпретировать вышеперечисленные феномены и факты, необходимо осмыслить такое явление, как подростковый возраст.

Подростковый возраст как время мировоззренческой «инициации». С точки зрения ряда ученых-психологов, подростковый возраст является периодом, когда сознание взрослеющего ребенка трансформируется, обращаясь к первичным, архетипическим образам, насыщенным глубинными базовыми чувствами, и переходя от ощущения неуверенности и недостаточности к чувству осознанной сопричастности себя Другому.

Один из наиболее известных представителей аналитической психологии Эрих Нойманн пишет о подростковом возрасте следующее: «В тот период, когда сознание начинает переходить в самосознание... картина... для Эго... начинает искажаться чувствами конечности и смертности, бессилия и изоляции» [2, с. 15].

Феномен подросткового возраста следует рассматривать как одно из условий формирования культуры. «Задержка созревания и зависимость индивида от социальной группы на протяжении периода почти в шестнадцать лет являются... исключительной особенностью человеческого вида. Эта затянувшаяся юность, контрастирующая с ранним развитием остального животного мира, является самой важной предпосылкой человеческой культуры и ее преемственности» [2, с. 15].

Можно сказать, что человечество долго шло к появлению нынешнего подросткового возраста с его широкой протяженностью во времени, активным развитием самосознания, сложным формированием идентичности. Уже в древности подростковый возраст, т. е. особым образом организованный период перехода от детства к взрослости, существовал в «сжатом», зачаточном виде, о чем, в частности, писали К. Леви-Стросс, М. Элиаде, К. Г. Юнг, Э. Нойманн, Д. Хендерсон.

Аналитический психолог Д. Хендерсон отмечает: «В античной истории и в обрядах современных первобытных племен содержится богатый материал о мифах и ритуалах посвящения (инициации), проходя через которые юноши и девушки разлучаются с родителями и поневоле становятся членами клана или племени» [3, с. 29]. При этом он полагает, что сущность подросткового возраста заключается в символической борьбе за обретение собственной идентичности, в том числе на уровне «выхода за пределы себя», трансценденции, и отделения от детского единства с миром при возвращении к этому единству на новом уровне: «В племенных обществах именно обряд инициации наиболее эффективно решает эту проблему. В основе ритуала, встречается ли он в племенных общинах или в более сложных сообществах, неизменно лежит обряд смерти и возрождения, являющийся для новообращаемого „обрядом перехода“ от одной стадии жизни к другой: от детства к отрочеству или от отрочества к юности, а затем к зрелости» [3, с. 30].

Подростковый возраст является именно той стадией, на которой происходит базовое развитие личности: прохождение через «Тень» (умирание), обретение новой идентичности на основе выстраданных нравственных ценностей. «Подросток начинает с того, что приходит в ужас от впервые переживаемой им сверхъестественной действительности, силы, автономии, несоизмеримости. Встретившись с этим божественным ужасом, неопит умирает: он умирает для детства — то есть для неведения и безответственности» [4, с. 48], — подчеркивает румынский ученый М. Элиаде.

Последователь М. Л. Юнга фон Франц пишет: «Несовершенство мира, его зло, с которыми подросток сталкивается как внутри самого себя, так и вовне, становятся осознанными; он вынужден стараться справиться с настоячивыми, но еще неосознанными внутренними импульсами, а также с проблемами внешнего мира» [5, с. 39].

Таким образом, подростковый возраст — это возраст, когда, говоря на языке метафор, личность развивается через выражение и воплощение архетипа Героя, через способность погрузиться в тьму бессознательного и, пережив цикл смерти-возрождения (депрессии), приобрести принадлежность значимым Другим и самому себе. Французский исследователь Ф. Дольто говорит: «В самых старых ритуалах инициации у племен, расселившихся от Австралии до Южной Африки, от Огненной Земли до Океании, вплоть до Таити, есть один общий момент — присутствие в драматургии ритуала смерти-инициации» [6, с. 5]. М. Элиаде вместе с рядом других исследователей видит здесь проявление «мифа о Герое»: «Существует нечто более интересное, чем мифы, связанные с обрядами инициации *regressus ad uterum*. Это мифы, повествующие о приключениях Героев, колдунов или шаманов, которые не символически, а на самом деле, во плоти и крови, совершают *regressus*... Все эти действия составляют испытания инициации, пройдя которые, победивший герой обретает новую форму бытия» [7, с. 23].

С данной точки зрения большой интерес представляет исследование российского психолога Д. В. Квартальной, попытавшейся определить образ Героя-Взрослого как модель для формирования идентичности **современного** российского подростка. Благодаря опроснику «Выявление Героя» и мини-сочинению «Мой Герой» Д. В. Квартальная установила качества, составившие психологический портрет Героя-Взрослого современного подростка: «Нами была доказана общая гипотеза о том, что значимый взрослый может стать Героем, который является одним из факторов личностного развития подростка. Герой-Взрослый задает направление и цель развития подростка, являясь эталоном сравнения на всех этапах саморазвития. Качества, которые подросток выделяет в образе Героя-Взрослого, с одной стороны, связаны с общей спецификой подросткового возраста, с другой — определяются личностными особенностями каждого подростка»⁶.

⁶ Квартальная Д. В. Герой-взрослый — один из факторов развития личности в старшем подростковом возрасте // Портал «Практический психолог». URL: <http://practic.childpsy.ru/education/articles.php?ID=10276> (дата обращения: 21.12.2018).

Эмпирические данные Д. В. Квартальной подтверждаются теоретическими выкладками Э. Нойманна: «Отделение от родительских имago, то есть от реальных родителей, которое должно произойти в период полового созревания, вызывается, как показывают примитивные обряды инициации, активацией образов надличностных или Первых Родителей. Половое созревание — это время возрождения, и его символизм является символизмом героя, который возрождается посредством сражения с драконом. Цель всех обрядов, характерных для этого периода, — обновление личности» [8, с. 24]. Речь идет именно о ритуале прохождения через символическую смерть (что отображается и на физическом уровне), о переживании пустоты и одиночества с выходом к созидательному ощущению жизни на новом уровне целостности, с новыми нравственными устоями. Отметим, что российские подростки и представители молодежи на протяжении достаточно длительного времени застревают в области как деструктивных субкультур [9, с. 257], так и достаточно краткосрочных объединений типа групп смерти [10, с. 55].

Обобщая изложенное, можно отметить, что подростковый возраст в широком смысле представляет собой универсальный для различных обществ и исторических периодов этап развития личности, подразумевающий инициацию перехода от детства к взрослости, а в узком смысле (подростковый возраст в современном постиндустриальном обществе) — результат длительного исторического процесса, обусловленный историческими или даже, если можно так выразиться, психоисторическими детерминантами.

Можно также утверждать, что в рамках глобального исторического процесса (а не только индустриального и постиндустриального обществ) существуют детерминанты формирования специфики подросткового возраста — и это детерминанты развития инициации (первичной индивидуации), т. е. развития личности как качества, стремящегося к целостности (самости) субъекта, в процессе перехода от детства к взрослости реализующего в своей психической реальности миф о герое, отвечающего на вопрос «Кто я?», проходящего через переживания «смерти-возрождения» и встречающегося с базовыми данностями человеческого бытия, а также стремящегося к идентификации со Врослым-Героем.

Это происходит как во внутренней психической реальности, так и во внешнем мире в контексте развития, во многом определяемого структурой мифа о Герое. Очевидно, что такое развитие, являясь универсальным (архетипическим), в каждом конкретном случае зависит от специфики культуры, в которой развиваются те или иные подростки. В традиционной русской культуре процесс подростковой инициации связан, прежде всего, с осознаннымприятием таинства Крещения, отождествления с Христом и с представляющими его на земле значимыми взрослыми, обновлением личности в пространстве христианской трансценденции и христианского образа жизни.

Современный российский социум, проблемы, связанные с подростковой «инициацией» и трагедия в Кер-

чи. Культура современной России крайне противоречивая. Как отмечают А. Н. Алехин и Н. Н. Королева, «следует рассматривать все разнообразие поведения современных подростков в качестве способов адаптации формирующейся личности в условиях мультикультурализма, идеологической неопределенности, сосуществования множества принципиально различных ценностно-смысловых организованностей, возрастании роли мультимедийной среды и электронных СМИ в деятельности и коммуникациях» [11, с. 179].

Этнопсихолог С. Лурье считает, что «неизменные элементы можно назвать системой этнических констант, а формируемую ими динамическую схему — генеральным культурным сценарием... тот генеральный сценарий влияет на формирование всех сценариев разных уровней, существующих в данной культуре, задавая определенный алгоритм действия во множестве ситуаций» [12, с. 62]. Обращаясь к русским этническим константам, ученый отмечает: «Русский „образ себя“ (мы-образ) существует как бы в трех ипостасях, но всегда очень связан с образом себя как носителей добра. Эти три ипостаси можно представить следующим образом: хранители-возделыватели добра — крестьянская община, созидатели „великихстроек“ и творцы космических ракет и т. д.; миссионеры-просветители, готовые всегда нести „свет миру“, в чем бы он ни заключался; воины — защитники добра, борцы со „злодеями“ и покровители народов, которым зло угрожает» [12, с. 63].

Получается, что современные подростки, находящиеся в поле русской культуры, дезориентированы, так как, с одной стороны, они находятся в социально-психологическом пространстве «мультикультурализма» и «идеологической неопределенности», а с другой — на уровне этнических констант, воспринимаемых на уровне семантических цепей русского языка, детских «волшебных» сказок русской культуры, родовой структуры и т. д., направляются к «пути Героя» — коллективиста и борца со злом. Таким образом формируется пространство новейшей мифологии со свойственной ей системой бинарных оппозиций, проанализированных К. Леви-Строссом. Ведь «мир является объектом мысли, по меньшей мере настолько же, как и средством удовлетворения потребностей» [13, с. 115]. Современный социальный и политический миф благодаря своей привлекательности и семантической простоте развивает мощный иллюкативный потенциал. Влияние мифологем на социальное поведение современной молодежи требует изучения, но уже сейчас можно утверждать, что кризис культурной идентичности часто проявляется как обращение к современным мифологическим нарративам, которое ошибочно понимается как возвращение к корням, тогда как в реальности представляет собой некритичное принятие постмодернистских культурных симулякров.

А. Н. Алехин и Н. Н. Королева подчеркивают: «Неадекватные жизненной среде трансформации смысловых составляющих образа мира либо их ригидное сохранение без учета происходящих изменений во внешнем и внутреннем планах могут выступать предпосылками дезадап-

тации и одной из ее крайних форм — саморазрушающего поведения... Множественность смысловых контекстов и разнородных информационно-коммуникативных полей, в которых оказывается современный подросток, приводит к нарушениям в становлении личностной идентичности, к формированию противоречивого образа мира, к размыванию или утрате жизненных перспектив, что, в свою очередь, выступает фактором интрапсихической дезадаптации» [11, с. 179].

Более того, в этих условиях нарушается не только сама возможность созидательной индивидуализации подростка с принятием на себя и проживанием образа Героя на основе той или иной модели значимого Другого (с которым можно идентифицироваться). Хуже того, подросток просто «выталкивается» в область деструкции и разрушения: «В ситуации размытости и поливариативности социальных норм, невозможность образа значимого Другого обуславливает полевое поведение подростков, своеобразное социальное экспериментирование. Свидетельством этому становятся многочисленные молодежные субкультуры, сменяющие друг друга и сосуществующие в современной социальной среде» [11, с. 180].

Но в этом случае «миф о Герое» обращается к своей «теневой стороне», о которой много пишут представители глубинной психологии. М.-Л. фон Франц отмечает: «Мы должны задать себе вопрос, какие психологические обстоятельства влияют на то, что образ героя расщепляется на светлую фигуру и зловещего компаньона» [14, с. 215]. Подросток (как правило, бессознательно) ищет возможности переживания и осознания архетипических феноменов любви, смерти, вины, смысла и, наталкиваясь на невозможность полноценного, созидательного становления своей личности, обращается к разрушительным ценностям и объектам отождествления. Так формируется омраченная, болезненная идентичность. В этом случае **подросток вынужденно отождествляется с разрушительными образами и моделями действий, причем объектом его хаотических, деструктивных эмоций могут быть как общество «потребления» в целом, так и различные «суррогатные» структуры типа «квазирелигий», а также конкурентные взрослые, символизирующие собой образ «теневого, разрушительного героя».**

По некоторым данным, расстрелявший сверстников в Керчи подросток (юноша) В. Росляков воспитывался в семье, входящей в новое радикальное (квази) религиозное движение сектантского типа «Свидетели Иеговы», чья идеология противоречит самой сути русской (православной христианской) культуры.

Вероятнее всего, у лишенного здоровых ценностных ориентиров и образов для отождествления В. Рослякова возник подростковый протест против «общества потребления» и «фальшивой религии» родителей. Однако этот протест был направлен не на созидание, а на разрушение, на идентификацию с «теневым героем» (существуют свидетельства, что Росляков незадолго до преступления сжег Библию).

Можно предположить, что для него «обряд смерти и возрождения, являющийся для новообращаемого „обрядом перехода“» превратился в обряд «смерти (убийства и самоубийства) без возрождения», причем из области символического этот «обряд» перешел в область реального.

«Сверхъестественная действительность, сила, автономия, несоизмеримость» превратились для В. Рослякова в некую «модель одержимости», когда не в силах справиться со своими влечениями он отождествился с «образом зла (ненависти)», что напоминает древние архаические ритуалы идентификации с «демонами» или «злыми богами».

Отождествление со злом выступает здесь попыткой ложным образом заменить естественную религиозную (и мировоззренческую) функцию и нормальное человеческое общение.

В. Росляков, вероятнее всего, осуществлял некий ритуал инициации, вернее, ложной инициации, отождествляясь с образом зла («черным героем»).

Подчеркнем, что к этому подростка могли подталкивать вполне разумно действующие специалисты, обладающие знаниями в области глубинной психологии.

Э. Эриксон отмечает следующее: «...Подростковый ум есть по существу ум моратория — психологической стадии между детством и взрослостью, между моралью, уже усвоенной ребенком, и этикой, которую еще предстоит развить взрослому. Это — идеологический ум, и действительно, именно идеологическая перспектива общества откровенно обращается к тем молодым людям, что полны желания быть утвержденными сверстниками в роли „своих“ и готовы пройти процедуру ратификации, участвуя в ритуалах и принимая символы веры и программы, которые в то же время определяют, что считать злым (порочным), сверхъестественным и враждебным» [15, с. 48]. Если же картина мира подростка «переворачивается с ног на голову» и социум не предоставляет внятных процедур ратификации «различения добра и зла», но являет собой некий «суррогат» (будь это культ развлечений или квазирелигия), то, как писал Э. Эриксон, возникает ситуация, при которой «молодые люди предпочитают быть абсолютно никем, нежели представлять собой пучок абсолютно противоположных фрагментов идентичности» [16, с. 98].

В данном контексте обратим внимание на симптоматичное сообщение экспертов сетевого канала «Майор и генерал»: «Когда миром правит культ развлечений и удовольствия, в нем неизбежно появляются свои „проповедники зла“, „мученики сатаны“, типа ИГИЛ или нынешнего керченского убийцы. Это неизбежно. И это придется учитывать. И противостоять этому могут только готовые на самопожертвование люди, стоящие на стороне добра. Такие как летчик Филиппов — „это вам за пацанов“. Как полицейский Нурбагандов — „работайте, братья“. Как студенты, закидывающие камнями того, кто стрелял в керчинском колледже, чтобы дать возможность убежать девчонкам... Надо помнить и чтить истинных героев, чтобы их место в общественном сознании не замещали ложные. В противном случае наше общество обречено...».

В этом высказывании, найденном нами в процессе мониторинга социальных сетей и мессенджеров, прослеживается важнейшая идея: **современные подростки остро нуждаются в работающих системах символов, обращающих их к созидательным ценностям.** Такие системы символов могут дать только традиционные культуры народов России и подлинные проявления патриотизма, отсылающие к корневым основам социального бытия (пример — акция «Бессмертный полк»), а, значит, и образы настоящих героев, причем не только прошлого, но и настоящего.

Выводы. На наш взгляд, такие случаи, как трагедия в Керчи, являются «вершиной айсберга» деструктивных социально-психологических процессов и одновременно сигналом коллективного бессознательного социума к общественному сознанию, который можно расшифровать так: «Мы не хотим жить в обществе „потребительской идеологии“, „мультикультурализма“ и разнообразных „обманок“, но не видим ему альтернативы, не видим здоровых возможностей для инициации-индивидуации (которая осуществлялась и в царской России, и при всех издержках в СССР (в виде пионерии и комсомола)), а, значит, идем искаженным, омраченным „путем Героя“, путем разрушения и ненависти, и это диагноз нам всем».

Очевидно, что решение о всемерной и реальной (а не на бумаге) поддержке здоровых религиозных и патриотических сил в России (и очищения культурного пространства РФ от «квазирелигий») в контексте возвращения и конституционного закрепления присущей российскому социуму государственной идеологии назрело. Это относится и ко всем видам образовательных программ, существующих в нашей стране.

Важно включить в данный процесс действующие в России психологические службы, так как обращение к созидательным символам для многих подростков до-

ступно через методы арт-психологии, групповой тренинговой работы, экзистенциального подхода и т. д.

Конечно, необходима и точечная работа психологов и религиоведов в сотрудничестве с правоохранительными органами для своевременного выявления индивидуумов со склонностью к деструктивным действиям и вовлечению в новые радикальные (квази) религиозные структуры.

Подчеркнем, что все эти действия должны сопровождаться целенаправленной, грамотной борьбой с такими структурами (с известными, например, «Свидетели Иеговы» и «сайентологи» (запрещены в РФ), так и менее распространенными, но опасными организациями «сатанинского» плана, которые могут получать поддержку из иных стран). Нельзя забывать и необходимость противодействия деструктивной социальной инженерии, которая может осуществляться специалистами-психологами.

Итак, на наш взгляд, конкретный случай в виде трагедии в Керчи служит одним из проявлений крайне значимого сигнала, который поступает в сознание российского общества из его подросткового сегмента: настало время возвращать нашему социуму созидательную и живую мировоззренческую упорядоченность, иначе социально-психологический хаос может стать в нем доминантным процессом.

Дальнейшие научно-прикладные исследования в области прояснения значения событий и тенденций в подростково-молодежной среде крайне востребованы в аксиологическом аспекте государственной политики РФ, в образовательном, законодательном [17, с. 91] и собственно научном планах. В связи с этим коллективом ученых РГПУ им. А. И. Герцена, включающим в себя и авторов настоящей статьи, на период 2019–2022 гг. запланирован масштабный проект по изучению соответствующих феноменов, а материалы проекта оформлены в виде заявки на получение гранта РФФИ.

Список литературы

1. Меннингер К. Война с самим собой. Психология XX век. М., 2001. 479 с.
2. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М., 1998. 462 с.
3. Хендерсон Д. Древние мифы и современный человек // Человек и его символы : сб. тр. М., 2006. 352 с.
4. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996. 288 с.
5. Франц фон М.-Л. Процесс индивидуации // Человек и его символы : сб. М., 2006. 352 с.
6. Дольто Ф. На стороне подростка. Екатеринбург, 2010. 720 с.
7. Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2010. 256 с.
8. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М.–Киев, 1998. 462 с.
9. Богачев А. М. Социально-психологическая безопасность российского общества: анализ сообщений, исходящих из подростковой субкультуры // Глобальные вызовы современности и социальная стратегия российской системы образования : мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2013. С. 255–264.
10. Богачев А. М. Синие киты как субкультура смерти // Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований. 2017. № 3. С. 55–75.
11. Алехин А. Н., Королева Н. Н. Личностно-смысловые составляющие образа мира подростков как детерминанты девиантного поведения при нарушениях психической адаптации // Психология стресса и совладающего поведения : мат-лы III междунар. науч.-практ. конф. Кострома, 26–28 сентября 2013 г. : в 2 т. / отв. ред.: Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтык, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. Кострома, 2013. Т. 2. 302 с.
12. Лурье С. В. В поисках русского национального характера // Отечественные записки. 2002. № 3(4). С. 61–67.
13. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994. 384 с.
14. Франц фон М.-Л. Толкование волшебных сказок. М., 2004. 364 с.
15. Эриксон Э. Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб., 1996. 592 с.
16. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 344 с.
17. Воронцов А. В., Богачев А. М. Психологическая помощь в социальном и правовом аспектах // Управленческое консультирование. 2015. № 2(74). С. 90–98.

Поступила 09.12.2018

UDC 159.964.3 © A. V. Vorontsov, A. M. Prilutsky, A. M. Bogachev, 2019

DOI: 10. 24411/1999-6241-2019-12002

19.00.01 General Psychology, Personal Psychology, History of Psychology; 19.00.13 Developmental Psychology, Acmeology

Tragedy in Kerch: Experience of Socio-Psychological Analysis of the Prerequisites

Alexey V. Vorontsov ¹,

Doctor of Sciences (Philosophy), professor, dean of the faculty of History and Social Sciences. E-mail: vorontsov@herzen.spb.ru

Alexandr M. Prilutsky ¹,

Doctor of Sciences (Philosophy), professor, head of the department of History of Religion and Theology, faculty of History and Social Sciences. E-mail: alpril@mail.ru

Alexey M. Bogachev ¹,

Sociologist of Category 1 of Sociological Laboratory of the faculty of History and Social Sciences. E-mail: amb1976@mail.ru

¹ the Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 191186, Russia

Abstract

Introduction. This paper presents an attempt to understand destructive trends from the multidisciplinary approach in the modern adolescent-youth environment of Russia in the context of the tragedies in Kerch and Arkhangelsk. Dynamic changes in the adolescent-youth environment with social content and semiotic expression are considered as signals from collective unconscious of the society towards public consciousness.

Materials and Methods. Documents from the open sources (including the Internet) were processed via analysis and synthesis of information, deduction and induction, case studies, interpretation and hermeneutics.

Results. Destructive tendencies are manifested in such forms as suicides (Russia «ranks» first in Europe for teenage suicides), destructive and self-destructive behaviour, involvement in destructive communities such as "death groups", which have, among other things, quasi-religious content, etc. Destructive tendencies in the field of teenage (youth) subculture should be considered as an appeal (message) from the collective unconscious of the Russian (Russian according to the culture) society to the collective "self-consciousness" of the Russian (Russian according to the culture) society and society as a whole. The research reveals the causes and essence of painful "message" sent to the collective consciousness of the Russian society by teenage (youth) environment, outlines the ways of optimization of the national youth and educational policy with regard to the state security of the Russian Federation and effective means of working with juveniles and youth.

Conclusions. In order to reveal the individuals with a tendency to destructive actions and involvement in new radical (quasi) religious structures psychologists, scholars in religion and law enforcement agencies are to work focusing on certain targets. Tragedy in Kerch is one of the manifestations of the extremely important signal sent from the juveniles to the consciousness of the Russian society.

Keywords: juvenile-youth subculture; world outlook; initiation; destruction; values; Russian national security; identity.

Citation: Vorontsov A. V., Prilutsky A. M., Bogachev A. M. Tragedy in Kerch: Experience of Socio-Psychological Analysis of the Prerequisites. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. Vol. 24, No. 2(77), 2019. Pp. 138–144 (In Russ.). DOI: 10. 24411/1999-6241-2019-12002

References

1. Menninger K. Man Against himself. Psychology of the XX century. Moscow, 2001. 479 p.
2. Neumann E. The Origins and History of Consciousness. Moscow, 1998. 462 p.
3. Henderson D. Ancient Myths and Modern Man. Man and his Symbols. Moscow, 2006. 352 p.
4. Eliade M. Myths, Dreams, Mysteries. Moscow, 1996. 288 p.
5. M.-L. von Franz. The Process of Individuation in C. G. Jung, Man and his Symbols. Moscow, 2006. 352 p.
6. Dolto F. On the Side of the Teenager. Ekaterinburg, 2010. 720 p.
7. Eliade M. Aspects of the Myth. Moscow, 2010. 256 p.
8. Neumann E. The Origins and History of Consciousness. Moscow–Kiev, 1998. 462 p.
9. Bogachev A. M. Socio-Psychological Security of Russian Society: Analysis of Messages coming from the Teenage Subculture. Materials of the International Scientific Conference. Global Challenges of Modern time and Social Strategy of the Russian Educational System. St. Petersburg, 2013. Pp. 255–264. (In Russ.)
10. Bogachev A. M. Blue Whales as a Subculture of Death. Bulletin of the Centre for Ethno-Religious Studies. St. Petersburg, 2017. Pp. 55–75. (In Russ.)
11. Alekhin A. N., Koroleva N. N. Personal Semantic Components of the Image of the World in Juvenile Mind as the Determinants of the Deviant Behaviour in Mental Maladaptation. Psychology of Stress and Coping Behaviour. Materials of the 3rd International Scientific Conference. (Kostroma, September 26-28, 2013). In 2 Vol. Ed. by T. L. Kryukova, E. V. Kuftayack, M. V. Saporovskaya, S. A. Khazova. Kostroma, 2013. Vol. 2. 302 p. (In Russ.)
12. Lurie S. V. In Search of the Russian National Character. *Annals of the Fatherland*. No. 3(4) 2002. Pp. 61–67.
13. Levi-Strauss K. Archaic Thinking. Moscow, 1994. 384 p.
14. M.-L. von Franz. The Interpretation of Fairy Tales. M., 2004. 364 p.
15. Erikson E. Childhood and Society. St Petersburg, 1996. 592 p.
16. Erikson, E. Identity: Youth and Crisis. Moscow, 1996. 344 p.
17. Vorontsov A. V., Bogachev A. M. Psychological Assistance in Social and Legal Aspects. *Management Consulting*. № 2(74). 2015. Pp. 90–98. (In Russ.)

Submitted 09.12.2018